

УДК 792.7; 82/821.0; 75.03

Н. В. Стоева

ИМАЖИНИЗМ: «КАФЕЙНАЯ ЭПОХА»

Заявив о себе в 20-е годы XX в., имажинисты вошли в один из самых насыщенных периодов в истории страны, общества и русского театра. Это момент, когда прежний выход к читателю стал недоступен — журналы выпускались нерегулярно, издательства практически не работали, малочисленные сборники, если и появлялись, то небольшими тиражами и распространялись плохо. Общественная и культурная жизнь переместилась на улицы. Для художников было естественно выйти к публике — на площадь или в кафе — и там искать свою аудиторию. Уличные выступления — популярны, специально организованные дискуссии привлекают массу народа. Кафе становятся сосредоточением литературной, культурной жизни.

Как отмечает современный исследователь, желание вывести искусство на улицы было всеобщим. Новая власть видела в нем мощное орудие агитации. Достаточно вспомнить план монументальной пропаганды, заявленный в «Декрете о памятниках Республики» 1918 г. (Мариенгоф в «Циниках» сухо перечисляет 30 памятников, которых совет народных комиссаров решил установить, в то время как «граждане четвертой категории получают: 1/10 фунта хлеба в день и один фунт картошки в неделю» [1]) «Стремление новой власти и здесь удивительным образом совпало с идеей-лозунгом футуристов „Искусство — на улицу!“ <...> Но точно так же мыслили и их „заклятые друзья“ — пролеткультовцы» [2]. Правительство издавало указы, футуристы и пролеткультовцы писали декларации. Имажинисты не могли остаться в стороне. Они делали все одновременно: писали стихи, издавали книги, организовывали диспуты, развешивали афиши и как закономерный шаг — открыли имажинистское кафе «Стойло Пегаса», вписавшись в многочисленный ряд литературных кафе того времени. Они учли опыт нашумевшего и быстро зарывшегося «Кафе футуристов» и просуществовали почти 5 лет.

«Кафейная эпоха» была логическим продолжением артистических кабаре. И, в то же время, это было принципиально другое «кабаре» в другую эпоху. Русское кабаре, позаимствовав у европейских предшественников способ организации, атмосферу непринужденности, легкости, брызг шампанского, рождалось как небольшие театры миниатюр. Появившаяся в 1908 г. в Москве «Летучая мышь» специализировалась на пародийно-шуточных представлениях актеров Московского Художественного театра. В этот же год в Петербурге открылось «Кривое зеркало» — театр пародий, где представления начинались в 12 ночи. До 1917 г. подобных заведений открылось множество: «Черный кот», «Голубой глаз», «Трагический балаган», «Бродячая собака», «Привал комедиантов», «Биба-бо» и т. д. и т. п. Подавляющее их большинство соединяло в разных пропор-

циях театрально-эстрадные жанры и собственно кафе. Эти заведения стремились к развлечению публики либо обеспеченной, либо принадлежавшей к богеме.

В своих воспоминаниях Вадим Шершеневич пишет о кафе, появившихся в первые годы Революции. Он не дает их названий (наверное, полагает их общеизвестными), а указывает только адреса. Одно в Настасьинском переулке — «кафе жизни», другое на углу Петровки и Кузнецкого — «чистое кафе». Кафе жизни — первое после революции «Кафе футуристов» — просуществовало с декабря 1917 до апреля 1918 гг. [3, с. 660]. Кафе занимало полуподвальное помещение, стены расписывали разные художники и поэты. Второе «было чисто коммерческим предприятием умных владельцев кафе, которые сохраняли под этой поэтической маркой свое помещение и множили доходы». «Под эгидой поэтов жилось легче. Публика в этом кафе была „чистая“ остатки спекулянтов, купцов, „золотой молодежи“ и люди, действительно любившие поэзию. Здесь скандалов с мордобитием и пальбой не было» [4, с. 546]. Шершеневич пишет, что именно в этом кафе он познакомился с Есениным [4, с. 547]. Однако полностью доверять мемуаристу не приходится: по данным исследователя Т. К. Савченко это было в кафе «Питтореск» (находившемся на Кузнецком мосту [5]), по мнению исследователя С. Бурины — в «Кафе на Петровке» [3, с. 660]. Основными литературно-экстравагантными кафе в этот период были «Кафе футуристов» (1917–1918), «Кафе поэтов» (1919–1925), «Питтореск» (1917–1919) и «Стойло Пегаса» (1919–1924) — собственное кафе имажинистов. Была еще масса других, ориентированных на иную публику и на иных поэтов. Кафе футуристов просуществовало недолго, но спровоцировало много аналогичных заведений. Оно «породило потомство». «Почти сразу же после его закрытия начались выступления поэтов в кафе „Трамбле“ на углу Петровки и Кузнецкого переулка. Затем в кафе „Десятая муза“ в Камергерском, в кафе „Элит“ на Софийке. Впоследствии в кафе „Бом“¹ на Тверской. Образовавшийся осенью восемнадцатого года Союз поэтов на долгое время осел на той же Тверской в кафе „Домино“» [6, с. 130].

Переделанные из прежних кафе с эстрадой, эти места выполняли уже не только развлекательную функцию. Обращение к большому числу зрителей пропагандировало новый художественный язык, да и самих художников. Не будем забывать и о насущном — в этих кафе можно было поесть, даже если это был всего лишь морковный чай и пирожок с мерзлой картошкой.

**«Кафе футуристов»
(Настасьинский пер., 52/1; бывш. прачечная)
1917–1918**

Не случайно, что первым кафе подобного рода — литературным, расписанным авангардными художниками — было «Кафе футуристов». «В переулке разбитые газовые фонари не горели, но в темноте сверкал оригинальный фонарь, выхватывающий из мрака черную дверь, где карминовыми буквами было написано название кафе, пронзенное зигзагообразной стрелой» [7, с. 15].

¹ Кафе имажинистов, позднее переименованное в «Стойло Пегаса».

Основным организатором выступал В. В. Каменский, а финансовую сторону обеспечивал Н. Д. Филиппов. Кафе было простое, внимание в нем было сосредоточено на выступающих. «Земляной пол усыпан опилками. Посреди — деревянный стол. Такие же кухонные столы у стен. Столы покрыты серыми кустарными скатертями. Вместо стульев низкорослые табуретки. <...> Комната упиралась в эстраду. Грубо сколоченные дощатые подмости. В потолок ввинчена лампочка. Сбоку — маленькое пианино. Сзади — фон оранжевой стены» [6, с. 95]. Начинало кафе работу днем, но основные мероприятия — выступления поэтов, актеров — происходили поздно вечером, после спектаклей, когда в кафе приходил Маяковский и затевал разговор с Давидом Бурлюком. На небольшой эстраде начиналось представление: актера сменял певец, начинающего поэта — маститый, но ни один из подобных вечеров не был похож на предыдущий или последующий.

Конечно, все дело было в том, что читали поэты, какие затевались вокруг этого споры. Вот как описывает свой дебют в «кафе футуристов» С. Д. Спасский, автор книги «Маяковский и его спутники»: «Уже столики окружились людьми, когда резко вошел Маяковский. Перекинулся словами с кассиршей и быстро направился внутрь. Белая рубашка, серый пиджак, на затылок оттянута кепка. Короткими кивками он здоровался с присутствующими. Двигался решительно и упруго. Едва успел я окликнуть его, как он подхватил меня на руки. Донес меня до эстрады и швырнул на некрашенный пол. И тотчас объявил фамилию и что я прочитаю стихи. Так я начал работать в кафе» [6, с. 96]. Некоторые выступающие готовились заранее, некоторые импровизировали. Неожиданность, азарт завораживали публику и самих творцов.

Интерьер кафе отвечал спонтанной природе его мероприятий. «Стены вымазаны черной краской. Бесцеремонная кисть Бурлюка развела на них беспощадную живопись. Распухшие женские торсы, глаза, не принадлежавшие никому. Многоногие лошадиные крупы. Зеленые, желтые, красные полосы. Изгибались бессмысленные надписи, осыпаясь с потолка вокруг заделанных ставнями окон. Строчки, выломанные из стихов, превращенные в грозные лозунги: „Доите изнуренных жаб!“, „К черту вас, комолые и утюги“» [6, с. 96]. Расписывали кафе Василий Каменский, Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Георгий Якулов и Валентина Ходасевич. Впрочем, и другим желающим могла быть предоставлена стена для творчества. Эпатаж и оригинальность этого места питали творческие силы многих поэтов. Поэтому и хотелось его повторить.

**«Кафе поэтов»
(Тверская, 18; быв. «Домино»)
1918–1920**

Это кафе было логическим продолжением кафе футуристов, туда перебрались Маяковский с Каменским. «Прежде всего, это было единственное место, где можно было широко дискутировать вопросы литературы. Не надо забывать, что кризис бумаги, поломка старых пишущих машинок, несовершенство аппарата свели книжную продукцию почти на нет. Только ПУР да неунывающие иماجинисты издавались. Но если нельзя было печататься, то особенно хотелось говорить» [4, с.608].

Это было изрядное заведение — с двумя залами. В первом — эстрада, во втором — два больших зеркала по бокам, небольшие столики со стеклянными столешницами. Оформляли кафе Ю. П. Анненков и приглашенный им В. П. Комарденков. В этом кафе в маленькой комнате с надписью «ВСП» происходили заседания «Всероссийского союза поэтов», и поэтому история сохранила еще одно название этого места — «СОПО», или боле просто «Сопатка» [8, с. 659].

Важным в организационном процессе подобных кафе было двойное руководство: хозяйственное и художественное. Разные люди осуществляли совместное управление кафе: отдельно финансовая часть, в лице директора или управляющего, или главного буфетчика, и отдельно художественная — лидеры поэтической группы. Поэты привлекали публику, а, следовательно, деньги, и получали трибуну и своеобразный выставочный зал. «Под стеклянными покрытиями столиков — оранжевая бумага. На эту бумагу под стекло поэты клали рукописи со своими стихами, а художники — свои рисунки: карикатуры и шаржи. Таким образом, в „Кафе поэтов“ никогда не прекращались выставки стихов и графики» [8, с. 659].

«Кафе поэтов» оформлялось из подручных средств. Василий Комарденков вспоминал: «Для отделки не было материалов: досок, фанеры, гвоздей, материи, красок, клея. Ю. Анненков принес листов 150–200 цветной глянцевой бумаги, клей, ножницы и, сославшись на какую-то спешную работу, скрылся, оставив меня одного. Эскиза не было. Только благодаря активному участию Василия Каменского и Вадима Шершеневича, удалось что-то сделать» [9, с. 66]. От Каменского на стене кафе остались приколотые брюки и пустая клетка для птиц, в которой на жердочке была приклеена полоска бумаги с надписью «Птичка улетела». Так же он придумал вырезать из бумаги всякие причудливые силуэты, в том числе и самолетов и воздушных шаров, и все это приклеивалось на стены. По мнению Комарденкова, «в результате получилось очень пестро и не слишком красиво». «Но Каменский был доволен, что все получилось необычно, а понятие о красоте в то время было очень неопределенным» [9, с. 66]. Шершеневич «оформлял» эстраду из досок и гвоздей вытасенных из уцелевших заборов. Грузинов в своих воспоминаниях о Маяковском пишет, что стены были также украшены строками из стихов Василия Каменского, а занавес над эстрадой «состоял из зеленых и алых полос». «На цветных полосах занавеса были прикреплены замысловатые геометрические фигурки. Общее впечатление от занавеса было гротескно-футуро-лубочное» [8, с. 660]. Описывая выступление Василия Каменского в этом кафе, Грузинов дает понять, что это были очень театральные выступления, повторяющиеся каждый вечер в течение нескольких месяцев. Имажинисты наверняка видели эти выступления, и составляли свое мнение о том, как следует выступать, впитывали театральность и конечно, переиначивали ее на свой манер.

**«Стойло Пегаса»
(Тверская, 37; быв. «Бом»)
1919–1924**

Снискав определенную популярность выступлениями в «Кафе поэтов», имажинисты решили организовать свое собственное заведение, сделав его штаб-квартирой «Ассоциации Вольнодумцев». Рюрик Ивнев в мемуарах «Жар

прожитых лет» пишет, что кафе принадлежало «Ассоциации Вольнодумцев», в состав которого входили Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Матвей Ройзман, Иван Грузинов и он. «Вадим Шершеневич состоял в „Ассоциации“, но в делах кафе участия не принимал» [10, с. 326]. Не принимал настолько, что по прошествии лет даже не упомянул о нем в своих воспоминаниях.

Необходимо заметить, что названия своим многочисленным проектам имажинисты давали легко и беззаботно. Рядом с «Ассоциацией» существовал и «Орден воинствующих имажинистов», организованный в Петербурге. До имажинистов кафе принадлежало клоуну-эксцентрику Бому — М. А. Станевскому и было хорошо оборудовано, «...там не нужно было ничего ремонтировать и ничего приобретать из мебели и кухонной утвари» [7, с. 36].

Финский исследователь Т. Хуттунен осторожно указывает: «Проекты Якулова в кафе „Стойло Пегаса“ в известном смысле можно считать изобразительными аналогами имажинистской поэзии» [11]. Якулов как художник всегда создавал самодостаточный образ, и декорирование кафе имажинистов не было исключением. Начиналось все с вывески. Образ крылатого коня, символа неиссякающего вдохновения, привязанного к стойлу подходил задиристым имажинистам. Однако Якулов дал ему новое содержание. «На полированной фанере был изображен в облаках Пегас и вокруг затейливым шрифтом написано „Стойло Пегаса“» [9, с. 79]. Получалось, хоть и стойло, а в эмпиреях.

Кто придумал это название — неизвестно. Сочетание высокого, но сильно заштампованного олитературенного символа творчества и вполне приземленного, бытового слова «стойло» как раз то, к чему вели имажинисты в своих теориях — дать слову и метафоре новый смысл, очистить от наслоений предыдущих употреблений, поставить себе на службу. По замечанию С. Бурины, провокативным было и сочетание «высокого» символа и «пошлого» места. «Уже вывеска производила большой эффект... Провокационный характер послания был очевиден: крылатый конь небесного цвета, по мифологической природе не снижающийся ниже олимпийских высот, оказался у дверей кабака» [3, с. 665].

Внутри кафе выглядело впечатляюще и запоминалось; сразу угадывалась его принадлежность имажинистам — Есенину, Мариенгофу, Шершеневичу, чьи стихи и портреты, выполненные Якуловым, украшали стены. «Для... оформления Якулов решил использовать сочетание живописи, зеркал, навесных элементов и надписей. Оба организатора кафе — Есенин и Мариенгоф — помогали художнику замечаниями и советами при подготовке эскизов интерьера» [3, с. 665]. «Он же (Якулов — Н. С.) с помощью своих учеников выкрасил стены кафе в ультрамариновый цвет, а на них яркими желтыми красками набросал портреты его соратников-имажинистов и цитаты из написанных ими стихов. Между двух зеркал было намечено контурами лицо Есенина с золотистым пухом волос, а под ним выведено: „Срежет мудрый садовник — осень / Головы моей желтый лист“. Слева от зеркала были изображены нагие женщины с глазом в середине живота, а под этим рисунком шли есенинские строки: „Посмотрите: у женщин третий / Вылупляется глаз из пупа“. Справа от другого зеркала глядел человек в цилиндре,

в котором можно было признать Мариенгофа, ударяющего кулаком в желтый круг. Этот рисунок пояснял его стихи: „В солнце кулаком бац, / А вы там, — каждый собачьей шерсти блоха, / Ползаете, собираете осколки / Разбитой клизмы“. В углу можно было разглядеть, пожалуй, наиболее удачный портрет Шершеневича и намеченный пунктиром забор, где было написано: „И похабную надпись заборную / Обращаю в священный псалом“» [7, с. 36].

Можно сделать вывод, что Якулов, пытаясь проиллюстрировать стихотворные строчки друзей, создал живописный образ каждого имажиниста. Есенина с «золотистым пухом волос» и с женщинами, Мариенгофа в цилиндре, но бьющего кулаком в солнце, и задиру Шершеневича, стоящего рядом с забором. Эти образы соответствовали маскам имажинистов, о которых часто пишут современные исследователи. «У каждого из поэтов появляется своя „арлекинадная“ маска (шута, хулигана, юродивого, разбойника-черкеса)» [12]. И, по мнению Т. Хуттунена, Якулов воплотил на стенах кафе не столько портреты имажинистов, сколько их маски.

Исследователи и мемуаристы расходятся в том, какие именно стихи сопровождали портрет Есенина. Хуттунен говорит, что это были строки из «Хулигана» 1919 г. (что подтверждает идею о есенинской маске поэта-хулигана). Современник имажинистов и заведующий «Стойла», который составлял ежевечернюю программу выступлений, И. И. Старцев настаивает на том же: «С одной из стен бросались в глаза золотые завитки волос и неестественно искаженное левыми уклонами живописца лицо Есенина в надписях „Плюйся, ветер, охапками листьев“» [13]. Но М. Д. Ройзман цитирует строки из сборника «Харчевня зорь» 1920 г. — стихотворение «Кобыльки корабли», где образ поэта совсем другой, не поддающийся обозначению в одно слово. В нем поэт — готов все познать и готов умереть. Вполне возможно, что на стене было написано и то и другое стихотворение, тем более что другие строки из «Кобыльих кораблей» были так же написаны на стене.

Портреты Якулов никогда не отличались фотографической точностью. (Например, Алису Коонен на знаменитой картине с зеркалом он изобразил шатенкой. Для общего тона изображения, она «должна быть золотисто-коричневой»².) Однако любые отклонения от реальности в изображении Якулова не выглядели чудачеством, намеренным приемом ради приема. И если уж декорировать кафе портретами друзей, то делать это со свойственной ему манерой, импрессионистическо-кубистской и театральной одновременно. «При создании интерьера кафе „Стойло Пегаса“ полностью проявилась художественная концепция Якулова — в пространстве, где художник творил, он находил больше относящегося к миру театра, чем к области „чистой живописи“. Отсюда и „Стойло Пегаса“ превращается в театр — место, где раскрывается безудержная театральность имажинистов, выражающаяся в самых настоящих арлекинадах. Поэт и актер творят и играют все больше в унисон — их функции как бы совмещаются.

² Цит. по: Аладжалов С. И. Георгий Якулов. Ереван, 1971. С. 119.

Происходит своеобразная перекодировка искусства и поведения, в ходе которой основной тон задает театральный код» [3, с. 666]. Не следует забывать, что кафе перешло имажинистам от артиста Бома. Со всех сторон имажинистское начинание окружено театральными «отголосками».

Имажинисты получали от кафе прибыль, здесь питались они сами и их многочисленные друзья и поклонники. Хотя кафе было небольшим, места хватало всем. Ивнев пишет, что издательство имажинистов существовало «на прибыль, поступавшую от торговли в кафе, которому Моссовет предоставил большие льготы, освободив от многих существовавших тогда налогов на частные предприятия подобного рода. Кроме того, кафе имело разрешение Моссовета на работу не до двенадцати часов ночи, как все остальные московские рестораны и кафе, а до трех часов утра. Потому оно процветало, и у нас оставалось, за вычетом всех расходов, достаточно средств, чтобы вести издательские дела» [10, с. 326]. Матвей Ройзман приводит слова буфетчика Силина о том, что вначале кафе могло работать только «до без пятнадцати час». Ни завтраки, ни обеды не давали денег, основной доход приходился на вечернее время, когда приезжала публика из театров, цирков, кинематографов. И лишь впоследствии, благодаря связям имажинистов, было получено разрешение на работу до двух часов ночи. Но основной доход, по версии Ивнева, поступал от так называемых отдельных кабинетов. «Эти кабинеты были как бы многочисленными филиалами „домов свидания“, в которых происходила купля и продажа „живого товара“, не говоря уже о встречах авантюристов и кутящей „золотой молодежи“» [10, с. 327].

Публика была разношерстна, и собственно поэтический «бомонд» был изрядно разбавлен авантюристами всех мастей. Но это была типичная публика в кафе того времени. «За столиками сидели непримиримые враги. Здесь находились представители той молодежи, которая завтра вольется в красноармейские полки. <...>

<...> Однако в кафе пребывают и те, кто завтра спешно будет выправлять документы, доказывающие их украинское происхождение. <...> Молодые люди со следами погонов на шинелях, передающие друг другу новости о Корнилове. <...> Сюда просачивалась и мутная масса подчас выглядевших довольно решительно людей. С револьверами за поясами, обвязанные патронташами, кто в студенческих тужурках, кто в гимнастерках. Они величали себя анархистами, проповедовали, шумели, приветствовали, зазывали в какой-нибудь захваченный им особняк. Уголовники, наркоманы, прожженная богема густо вмешивались в такие „коммуны“» [6, с. 107–109]. Это написано про «Кафе поэтов», но примерно того же сорта люди одно время были завсегдатаями и у имажинистов.

По меркам своего времени кафе имажинистов просуществовало долго, неполных 5 лет. Оно имело свое «лицо» и долго сохраняло его. Но менялось время, менялись сами поэты. Происходила смена эпох. Прежний энтузиазм утих. Уже совсем скоро Есенин и Грузинов заявят о «ропуске» группы поэтов-имажинистов, что на самом деле будет сообщением об их отходе от имажинизма. Еще через год Есенин погибнет. Как литературная группа имажинизм просуществует до 1928 г.

Но основные события произошли именно в этот «кафейный период». Самый плодотворный за весь период существования группы поэтов, он давал необходимую свободу самовыражения и возможности реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мариенгоф А. Б.* Циники // Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л.: Художественная литература, 1988. С. 140.
2. *Дадамян Г. Г.* Атлантида советского искусства: 1971–1991. М.: ГИТИС, 2010. Ч. I. 1917–1932. С. 104–105.
3. *Бурины С.* «Кофейная эпоха» в Москве: «Питtoresк» как зеркало города // Лотмановский сборник. М.: «О. Г. И.», Издательство РГГУ, 1997. Т. 2. С. 657–670.
4. *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Московский рабочий, 1990. 735 с.
5. *Савченко Т. К.* Имажинисты в «Стойле Пегаса» // Москва и «московский текст» в русской литературе XVIII – XIX веков в фольклоре. М.: МГПУ, 2004. С. 88.
6. *Спасский С. Д.* Маяковский и его спутники. Л.: Советский писатель, 1940. 158 с.
7. *Ройзман М. Д.* Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973. 270 с.
8. *Грузинов И. В.* Маяковский и литературная Москва // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Московский рабочий, 1990. 735 с.
9. *Комарденков В. П.* Дни минувшие. М.: Советский художник, 1972. 136 с.
10. *Ивнев Р.* Жар прожитых лет. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 574 с.
11. *Хуттунен Т.* Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М.: НЛО, 2007. С. 19.
12. *Павлова И. В.* Общие свойства лирического сознания и пафоса в поэзии имажинистов // Русский имажинизм: история, теория, практика. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 75.
13. *Старцев И. И.* Мои встречи с Есениным // Воспоминания о Сергее Есенине. М.: Московский рабочий, 1965. С. 244.